

СБЛИЖЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХИАТРИИ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Б.В. Овчинников

В работе отражены теоретические представления о совместном происхождении психических особенностей человека и психических расстройств. Все свойства психики рассматриваются как адаптивные функции, возникшие на различных этапах биологической эволюции. Анализируются взаимосвязи между психозволюционной парадигмой и другими современными концепциями детерминации психических явлений и поведения человека.

Ключевые слова: теория эволюции, адаптация, эволюционная психология, эволюционная психиатрия, этология человека, социобиология, биопсихосоциальная парадигма.

Введение

В настоящее время имеется по крайней мере два научных языка описания и понимания психических явлений – философско-психологический и клинично-психиатрический. Долгое время они формировались и существовали параллельно. В середине XX в. гуманистическая психология, с одной стороны, и антипсихиатрия, с другой стороны, высказались против разделения людей на психически здоровых и больных.

Аргументация этих позиций была не слишком убедительной, однако они получили общественную поддержку. Так, в 1974 г. решением Американской психиатрической ассоциации гомосексуализм исключен из перечня психических расстройств, что полностью соответствует пожеланиям антипсихиатров и постулатам социобиологии. В некоторых европейских странах, например в Италии, начиная еще с 1978 г. была проведена деинституционализация психиатрических учреждений.

Сложности разграничения психической нормы и патологии, а также невозможность полноценного синтеза психологических и психиатрических описаний демонстрирует практика психолого-психиатрической экспертизы. В качестве примера можно привести случай «норвежского стрелка» Андерса Брейвика, параноидная шизофрения и невменяемость которого не представляются достаточными для понимания его поступка.

Называет необходимость в сближении психологии и психиатрии на единой научной платформе. Рассмотрение возможностей такого сближения на основе теории биологической эволюции явилось целью настоящей работы.

1. Отличительные особенности психики человека

Дисфункцию системы можно понять лишь тогда, когда станет понятна ее функция. Сущность психики как функции состоит в сохранении жизни особи и вида. Жизнь животного, или онтогенез особи, состоит во взаимодействии гомеостатических и адаптивных процессов. Адаптация – это изменчивость второстепенных показателей ради сохранения основных, первостепенных. Адаптационные ресурсы растений ограничены изменениями роста и морфологии. У животных к этому прибавляется активное перемещение в пространстве. Жизнь животного состоит в чередовании периодов покоя и двигательной активности. Движения животного, его поведение состоят из вегетативных проявлений и сокращений скелетных мышц. Поведением многоклеточных животных управляет нервная система – непосредственно либо через промежуточные гуморальные механизмы. Таким образом, поведение, управляемое нервной системой, – это основной адаптационный ресурс, от которого почти целиком зависит существование животного. Однако репертуар форм поведения включает наряду с индивидуальными сценариями также и видоцентрические. Это, прежде всего, размножение и защита потомства, зачастую снижающие жизнеспособность животных, а иногда ведущие к их гибели. Из этого следует, что видовые формы поведения имеют приоритет над индивидуальными. В онтогенезе животного эти две базовые формы гармонично сочетаются: успешное индивидуальное поведение создает предпосылки для успешного видового поведения, прежде всего полового. Заметим, что людям западной ориентации

свойственно ставить личные интересы выше общественных.

Нервная система животных на высокой ступени своего развития приобретает психическое качество. Генеральная линия эволюции животных сопряжена с энцефализацией, а этот процесс на каком-то из своих начальных этапов неизбежно порождает субъективный мир. Нам сложно его реконструировать, но отрицать его наличие мы не можем. Р. Декарт был прав, уподобляя животных механическим автоматам, но он ошибался, называя их бездушными автоматами. По всей видимости, психика животных разграничена на «центральное поле», отображающее ограниченный набор телесных состояний, и «периферическое поле» – динамичный, подвижный образ окружающей среды. Комфортные состояния удерживают животное в покое, дискомфортные – побуждают двигательную активность. Эта активность сводится к поиску необходимого либо избеганию опасности (аппетенция либо аверсия). Чем больше детеныш способен к научению, тем выше его шансы на выживание и дальнейшее воспроизводство.

Все сказанное в полной мере относится и к человеку. Однако у человека инстинктивная психика имеет надстройку в виде системы Я. Мозговым субстратом этой системы являются лобные доли, по относительной массе превосходящие лобные доли приматов почти в два раза. Предполагается, что возможным механизмом такой трансформации была неотения – задержка на детской стадии с приобретением способности к половому размножению.

Еще Джон Хьюлингс Джексон на рубеже XX века впервые установил, что префронтальная кора содержит в себе своеобразную карту всей остальной мозговой коры, представляя собой своеобразный «мозг в мозге». Интересно, что субъективно люди обычно локализируют свое Я в пространстве, расположенном примерно в пяти сантиметрах за переносицей (примерно в проекции нахождения эпифиза, которому Р. Декарт приписывал особые управляющие функции). Благодаря такой системе Я человек получил возможность произвольно переключать свои инстинктивные программы, затормаживая одни и активируя другие. Уже один этот момент предоставил человеку огромные адаптационные преимущества по сравнению с животными, которые являются рабами своих инстинктов. Однако управление инстинктами становится причиной не только эффективной адаптации, но и дезадаптации.

Система Я обладает и второй возможностью – конструировать из психических функций совершенно новые (внеинстинктивные) программы поведения, побуждаемые искусственными мотивами. Это область так называемой сверхадаптивной активности, которая на одном полюсе делает человека творцом и героем, а на другом – превращает его в беспредельно жестокого и изобретательного злодея.

Наряду со способностями к организации социума и созиданию культуры человек проявляет brutальную внутривидовую агрессию и столь же brutальную аутоагрессивность, которые у животных отсутствуют.

Активность системы Я проявляется в речи, которую можно считать как основным механизмом интрапсихической саморегуляции, так и интерпсихической социальной регуляции. Поток сознания представляет собой почти непрерывный монолог.

Высокая способность человека к научению и переучиванию обусловили широчайшую внутривидовую изменчивость, по которой *Homo sapiens* намного превосходит все виды животных. Антрополог В.А. Алексеев считал, что это связано с действием рассеивающего отбора, который поддерживает полиморфизм генотипов человечества [1]. Различия, возникшие в ходе длительной предыстории, а затем истории, создали границы между культурными сообществами, подобно тому, как дивергенция создавала границы между видами (не случайно у Э. Эриксона этот процесс назван «псевдовидообразованием»). Подобно строителям Вавилонской башни, современное человечество очень сильно разобщено и представлено 2200–2400 этносами. Налицо совокупность популяций, каждая из которых пребывает в собственном эволюционном процессе. Но процесс панмиксии уже запущен, и он будет ускоряться, приводя к тому, что в будущем. Все существующие границы между людьми в будущем будут преодолены, хотя бы потому, что все языки на Земле взаимопереводимы и описывают одну и ту же систему значений.

2. Этология человека и социобиология

После столетнего перерыва, потребовавшегося на то, чтобы подтвердить и уточнить эволюционные гипотезы Ч. Дарвина на основе данных генетики и молекулярной биологии, интерес к биологическим основам человеческого поведения возобновился, и на сей раз надолго. Основателем синтетической теории эволюции по праву считается отечественный генетик С.С. Четвериков. В

результате в середине XX в. возникли этология человека и социобиология. Между этими двумя междисциплинарными научными движениями имеется больше сходств, чем различий. Можно сказать, что они удачно дополняют друг друга. Этологи изучают поведение отдельного организма, а также внутрисемейные взаимодействия, опираясь в основном на данные анатомии и физиологии. Социобиологи концентрируют внимание на сложных формах социального поведения и организации больших сообществ – видов и биоценозов, обращаясь преимущественно к популяционной генетике и экологии. При этом следует отметить, что социобиология, подобно этологии, игнорирует психику и сосредоточивается только на поведении.

Этология человека, выросшая из этологии животных, начала систематически изучать биологические основы поведения человека.

Основной идеологией этологии вообще и этологии человека в частности является эволюционный подход с опорой на врожденные формы поведения. Именно начиная с изучения инстинктов следует рассматривать проблему нормы и патологии поведения человека. Специалисты по этологии человека, В.П. Самохвалов и I. Eibl-Eibesfeldt и [14, 17], писали о наличии у каждого индивида порядка двадцати инстинктивных систем, которые составляют базу любых, сколь угодно сложных форм поведения. Примерно такое же число инстинктов рассматривают в своей книге А.И. Протопопов и А. Вязовский [13]. Психолог В.Ю. Большаков [2] разделил поведение животных на массовидное, ролевое и индивидуальное, что примерно соответствует принятому делению инстинктов на витальные, социальные и познавательно-преобразующие.

А.И. Протопопов предложил термин «примативность», понимаемый как степень следования инстинктам в повседневном поведении [13]. В Рунете обсуждаются прикидочные оценки уровня примативности различных народов: жителям Африки и Азии приписывается 80 %, России – 60 %, США – 45 %, Западной Европы – 25 %. Остается только научиться отделять инстинктивное поведение от рассудочного и после этого экспериментально проверить представленные выше цифры. Впрочем, шуточные тесты на примативность уже имеются.

Этология человека уделяет большое внимание невербальной коммуникации у людей с различным состоянием психического здоровья. В 1993 г. художник Сергей Бугаев, сыгравший главную роль в фильме С. Соловьева «Асса», добровольно пробыл 23 дня на посту

строного наблюдения обычной психиатрической больницы. На основании этого и множества других подобных наблюдений была построена [14] структурная модель невербального поведения человека, включающая 12 элементов (комплексы комфортного поведения, неспецифического избегания контакта, агрессии, пищевого поведения, груминга, внимания, манипулирования, исследовательского поведения, имитативного поведения, демонстрации, поведения намерений, ритуализации). В частности, в результате исследований установлено, что экспресс-диагностика невербального поведения этологическим методом на протяжении 7–10 минут позволяет установить гомосексуальную ориентацию точнее, чем клиническое и экспериментально-психологическое исследование.

С позиции этологической антропологии патология поведения является важнейшим фактором эволюции гоминид. Так, А.П. Назаретян [19] полагает, что психическая патология и сейчас способствует выживанию вида *Homo sapiens*.

Социобиология – возникший в 1975 г. научный проект, рассматривающий человека и животных через призму новейших данных различных биологических дисциплин (эволюционной теории, популяционной генетики, этологии, экологии и др.).

Наибольший интерес вызывает, конечно, социобиология человека. Основной постулат социобиологии состоит в том, что у любого вида (включая человека) не может быть «трансцендентальных» целей, возникших вне его собственной биологической природы [25]. Биологическая эволюция является фундаментом и сопутствующим процессом социальной и культурной эволюции. При этом следует заметить, что любые социокультурные эксцессы не могут превзойти конечных ограничений, наложенных биологической эволюцией. Например, все люди имеют возможность убить ближнего, но у большинства таких реальных намерений не возникает. Каждый человек может попробовать героин или кокаин, но делают это лишь немногие. И никакая идеология, угрожающая существованию человеческого вида, никогда не сможет стать господствующей в глобальных масштабах. По-видимому, человечество в целом способно пережить сколько угодно мировых войн. Ни массовый геноцид, ни массовые самоубийства фанатиков пока еще не затормозили глобальный демографический рост.

Открытия в области этологии и социобиологии, такие как концепция совокупной приспособленности и др., предоставили осно-

ву для нынешнего возрождения адаптационного подхода к человеческой психологии – эволюционной психологии. Эволюционная психология рассматривает целостную психику как центральный локус и источник поведенческой адаптации.

3. Психозволюционная парадигма и адаптационная теория психических расстройств

К концу прошлого века начали формироваться новые разделы психологических и медицинских наук – эволюционная психология и психиатрия [12, 15, 16, 21].

Эволюционная психология – современная научная дисциплина, изучающая адаптивное значение поведения человека во всевозможных социальных контекстах на всем протяжении развития [12]. Провозвестниками этого направления были Ч. Дарвин, издавший в 1872 г. книгу «О выражении эмоций у человека и животных» [3] и его последователи Э.Б. Тайлор и Дж.Дж. Фрезер. Затем У. Джеймс в 1890 г. утверждал, что все психические функции, включая самосознание, существуют постольку, поскольку имели у предков адаптивное значение. Аллюзии З. Фрейда к доисторическому прошлому человечества (эдипов комплекс и пр.) тоже можно отнести к этому кругу представлений.

Основная идея эволюционной психологии состоит в том, что эволюционный процесс сформировал человеческое поведение, эмоции и мыслительные функции точно так же, как анатомию и физиологию человеческого тела.

Эволюционную психиатрию называют также дарвинистской психиатрией. Она является разделом так называемой дарвинистской медицины. В 1977 г. в Великобритании была опубликована статья с красноречивым названием: «Развитие как объединительный концепт в психиатрии» [18].

Эволюционная психология и психиатрия консолидируются на базе психозволюционной парадигмы, смысл которой состоит в том, что все проявления психической деятельности человека – такой же результат эволюции, как прямохождение, речь, цветовое зрение, архитектура кисти и особенности строения головного мозга [8]. Иными словами, поведение – это эволюционная функция [12].

Психические болезни суть архаичные выражения психической нормы. У наших предков эти формы были, безусловно, адаптивны, а у современного человека являются атавизмами [8]. Появление психопатологического симптома можно считать регрессом на более раннюю ступень эволюции. При этом

Е.С. Молчанов и И.В. Добряков приходят к следующему выводу: психическое расстройство – это либо изменение количественных характеристик нормального функционирования (принцип дименсиональности), либо регресс к более ранним уровням адаптации, либо необходимая дань, которую пришлось заплатить для выживания человека как биологического вида. Психическая патология не является болезнью в строгом смысле слова, и, продолжая начатую мысль, депрессия и шизофрения не могут быть сравнимы с «классическими» пневмонией, дизентерией или инфарктом миокарда. В этом теоретическом измерении «расстройство» приобретает особый статус, отличный от проявления «настоящего» заболевания, превращаясь в «как бы» болезнь. Соответственно, врач-психиатр приобретает в общественном сознании особый статус «как бы» врача.

Разработаны эволюционные гипотезы происхождения основных групп психических расстройств: тревожных и обсессивно-компульсивных невротических, депрессивных, антисоциального личностного расстройства [20, 22]. Например, предполагается, что бред колдовства и зооантропии воспроизводит феномен тотемизма, связанный с магическим мышлением.

Но архаическое происхождение имеют не только психотические, но и пограничные психические расстройства. Прежде всего это касается специфических фобий, которые имеют наследственную природу, и изобретаемых пациентами «спасительных» магических ритуалов.

Палеопсихологи обнаружили, что такой феномен, как синестезия – участие нескольких сенсорных модальностей в кодировании, хранении и воспроизведении информации, лежащий в основе феноменальных способностей некоторых великих мнемонистов, композиторов, художников, был присущ психической деятельности наших предков [7].

В материалах исследований по проблемам генетики поведения, археогенетики и психогенетики практически ежедневно сообщают об открытии все новых и новых генов, связанных с нервно-психическими расстройствами и другими психологическими особенностями наших современников и древних людей.

Американский психиатр Рэндолф Нессе [23] полагает, что наступило подходящее время для того, чтобы задаться вопросами эволюции всех психических расстройств и построить целостное здание биологической психиатрии.

4. Психоэволюционная парадигма и биопсихосоциальная парадигма

Сторонники биопсихосоциальной парадигмы пытаются найти компромисс между тремя крайними точками зрения на причины человеческого поведения: генетическим фатализмом, безграничным волюнтаризмом и энвайронментализмом. Джордж Энджел, предлагая в 1977 г. мультикаузальную модель психической патологии [19], не имел в виду ничего конкретного из вышеизложенного. Психоэволюционное направление способствует наполнению этой рамочной модели конкретным содержанием.

Приведем одну из таких возможных версий. Для любой формы поведения имеется генетическая и мозговая основа. Мотивации возникают как первичные телесные ощущения. В системе Я принимаются решения, санкционирующие ту или иную форму двигательной активности (выбор – функция личности). Социокультурный фактор предоставляет способы действий и определяет условия, в которых они протекают. Складывается впечатление, что социальные и культурные факторы не могут выступать в качестве самостоятельных и независимых причин поведения человека [24]. Они вносят свой вклад в детерминацию поведения только в случае наличия биологической предрасположенности и присутствия в поле сознания в качестве вариантов выбора программы поведения.

Изложенная схема удовлетворительно описывает инстинктивное поведение и адаптивную активность. Сложнее обстоит дело с сугубо человеческой сверхадаптивной активностью. Творческая деятельность в чем-то аналогична реализации инстинктивных программ: соматическое ощущение «жажды» творчества и затем «пресыщения» им, сверхценная фиксация на образе цели, продуктивное мышление, устойчивое к помехам, аффективная экзальтация (по терминологии А.А. Ухтомского – типичная доминанта, только более высокого порядка). На фоне творческого подъема человек не ощущает голода, полового влечения и сонливости.

В случаях психической патологии биопсихосоциальная модель полностью сохраняет свою объяснительную силу. Рациональные схемы поведения в силу своей недостаточности уступают место архаичным формам адаптации, которые называются патологическими реакциями. Система Я ослабевает, разнообразие выборов ограничивается, самокритика снижается. Однако жизнь организма в большинстве случаев сохраняется. Из всей широкой палитры психопатологии (исключая нар-

кологию) только три расстройства опасны для жизни: тяжелая депрессия, нервная анорексия и фебрильная шизофрения.

5. Изменения человеческой психики в ходе эволюционно-исторического процесса

В одной из более ранних работ автора статьи [11] представлена попытка выделить в процессе антропогенеза два этапа: формирование примитивной психики первобытных людей (архантропов, палеоантропов) и затем надстраивание над ней нового уровня, свойственного неолитическим людям. Предполагалось, что речемыслительные функции примитивных людей были полностью лишены критичности, рефлексии и целиком основывались на процессе внушения (суггестии). Что касается системы Я, управляющей собственными психическими функциями, то ее возможности в архаической психике были весьма ограничены. По своей идеологии психика первобытных людей являлась тотемической, то есть основанной на всеобщей вере в могущественного общего предка (чаще всего – животного). С современной точки зрения идея тотема может расцениваться как бредовая. Первобытное мышление было паралогическим, магическим. Это его свойство поддерживалось систематическими галлюцинациями, которые имели приоритет над обычными восприятиями. И без того узкое поле сознания еще более ограничивалось под влиянием сильных и плохо контролируемых аффектов.

Система Я действовала безальтернативно и однонаправленно. Люди еще не умели притворяться и лгать. Их словарь был беден, но «удельный вес» каждого слова был очень высок. Слово было делом, и заклинания незамедлительно сбывались.

По всей вероятности, на ранних этапах развития психика человека выглядела как патологическая (в современном понимании этого термина). В этой, с позволения сказать, амальгаме встречались «крупинки» рациональности, которых оказалось вполне достаточно для выживания и прогрессивного развития вида *Homo sapiens*, которому исполнилось уже 74 тысячи лет. Вся ранняя культура с ее чудовищной мифологией и абсурдными ритуалами являлась порождением иллюзорно-галлюцинаторных, синестезических, бредовых, аффектогенных и других психических явлений, относимых в настоящее время к психопатологии. Обычными состояниями сознания были транс, делирий и онейроид.

Когда и каким образом архаическая амальгама нормы и патологии преобразилась в психику современных людей, пока не известно. Создается впечатление, что для древних египтян состояние «богоодержимости» было еще преобладающим, а для древних греков – уже только периодическим. Платон по этому поводу писал: «Неистовство бывает двух видов: одно – следствие человеческих заболеваний, другое же – божественного отклонения от того, что обычно принято». Сознание людей существенно прояснилось в эпоху Возрождения, когда секулярный рационализм занял свое место в культуре. Последняя из подобных глобальных подвижек произошла после Второй Мировой войны (тотальный гуманизм, экология и пр.).

6. Особенности психики современного человека и ее ближайшие перспективы

Для того чтобы оценить состояние и потенциальные возможности психики современных людей, следует попытаться ответить на вопрос: продолжается ли сейчас биологическая эволюция человеческого вида или она прекратилась под влиянием социокультурных факторов? Наиболее оптимистичную версию на этот счет изложил А.Л. Еремин: вид *Homo sapiens* неуклонно биологически прогрессирует; есть основания ожидать его трансформации в новый вид – «*Homo sinergiosus*» [5]. Выстраивая новую концепцию «ноогенеза», автор вдохновлялся замечательной фразой Альберта Эйнштейна: «Я чувствую себя настолько солидарным со всеми живущими, что для меня безразлично, где начинается и где кончается отдельное». Представляется, что к вопросу о новом виде людей можно будет обратиться после того, когда большинство жителей Земли «дорастут» до уровня понимания, как у Альберта Эйнштейна. Однако биологическая эволюция человека неуклонно продолжается, при этом образуются новые, генетически специфичные народности и малые расы. Это, в свою очередь, означает увеличение разнообразия и расширение биологических возможностей человека. Афористично выразился в свое время американский антрополог К. Клакхон [6]: «Мир должен сохранять различия между людьми».

Как известно, апостол Павел называл закон Моисея педагогом, детоводителем, который привел человечество к истинной религии Христа. Продолжая эту мысль, можно сказать, что весь конгломерат иррациональ-

ных идеологий помог человечеству выжить, вырасти и привел некоторую его часть к атеистическому рациональному мировоззрению. В будущем атеистическая прослойка будет нарастать, подавая пример для остальных. Автор не склонен приравнивать научный атеизм к религии, как это делает, например, основоположник социобиологии Эдвард Уилсон [25]. Человечество освободится от вечного самообмана, пусть хотя бы частично. Но от психических аномалий оно полностью не освободится, а может, и не захочет этого делать. Инфантилизм и другие ретардации развития, глупость и дисгармонии характера, сотни различных психических расстройств будут вновь и вновь воспроизводить политическую и уголовную преступность, бродяжничество, антропогенные катастрофы, саморазрушающее поведение во всевозможных его формах. Тем не менее психологическое развитие человечества будет неуклонно продолжаться.

От того, что человечество объявит шизофрению психическим атавизмом и видовым источником креативности, современным пациентам намного легче не станет. Без посторонней помощи им по-прежнему трудно будет обойтись. Но в популяции таких всего один человек из ста. Большинство современных людей (даже в развитых странах) не отдают себе отчета в том, здоровы они или больны. Это не имеет для них существенного значения. В качестве примера современной успешной молодой персоны можно привести американскую киноактрису Меган Фокс: брахидактилия больших пальцев рук, «что-то (по ее словам) типа приступов легкой шизофрении», бисексуальная ориентация, наркотизация, восемь татуировок по всему телу. И в то же время – участие в 19 художественных фильмах, успешных музыкальных клипах, танцевальных конкурсах, рекламных кампаниях. В ближайшем будущем большинство жителей развитых стран будут столь же мало смущаться своими патологиями, включая психические, и научатся находить им полезное применение.

Позволим себе выразить надежду, что «максимальное животное» (как назвал человека А.П. Никонов [10]), или «непослушное дитя биосферы» (по выражению В.Р. Дольника [4]), не является тупиковой ветвью биологической эволюции. За достигнутым максимумом будет множество других, которые в настоящее время не видны.

Литература

1. Алексеев, В.П. Становление человечества / В.П. Алексеев. – М.: Политиздат, 1984. – 462 с.
2. Большаков, В.Ю. Эволюционная теория поведения / В.Ю. Большаков. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 496 с.
3. Дарвин, Ч. О выражении эмоций у человека и животных: пер. с англ. / Ч. Дарвин. – СПб.: Питер, 2001. – 384 с.
4. Дольник, В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей / В.Р. Дольник. – СПб.: ЧеРо-на-Неве: Петроглиф, 2004. – 352 с.
5. Еремин, А.Л. Ноогенез и теория интеллекта / А.Л. Еремин. – Краснодар: Совет. Кубань, 2005. – 356 с.
6. Клакхон, К. Зеркало для человека. Введение в антропологию: пер. с англ. / К. Клакхон. – СПб.: Евразия, 1998. – 352 с.
7. Куценков, П.А. Память и искусство палеолита / П.А. Куценков // Историческая психология и социология истории. – 2008. – № 1. – С. 142–157.
8. Молчанова, Е.С. Идеологический кризис в психиатрии: психопатология как адаптация и как эволюционный регресс / Е.С. Молчанова, И.В. Добряков // Историческая психология и социология истории. – 2008. – № 1. – С. 158–168.
9. Назаретян, А.П. Архетип восставшего покойника как фактор социальной самоорганизации / А.П. Назаретян // Вопросы философии. – 2002. – № 11. – С. 73–84.
10. Никонов, А.П. Ангрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности / А.П. Никонов. – М.: ЭНАС, 2004.
11. Овчинников, Б.В. Эволюционно-историческая концепция личности / Б.В. Овчинников // Психологические исследования проблемы формирования личности профессионала: сб. науч. тр. – М.: Ин-т психологии АН СССР, 1991. – С. 43–58.
12. Палмер, Дж. Эволюционная психология. Секреты поведения *Homo sapiens*: пер. с англ. / Дж. Палмер, Л. Палмер. – М.: Прайм-Еврознак, 2003. – 215 с.
13. Протопопов, А.И. Инстинкты человека. Попытка описания и классификации / А.И. Протопопов, А. Вязовский. – Якутск: Дани Алмас, 2011.
14. Самохвалов, В.П. История души и эволюция помешательства / В.П. Самохвалов. – Сургут: Северный дом, 1994.
15. Barkow, J.H. *The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and the Generation of Culture* / J.H. Barkow, L. Cosmides, J. Tooby. – New York: Oxford University Press, 1992.
16. Brüne, M. *Textbook of Evolutionary Psychiatry: The Origins of Psychopathology* / M. Brüne. – Oxford University Press, 2008.
17. Eibl-Eibesfeldt, I. *Human ethology* / I. Eibl-Eibesfeldt. – New York: Aldine de Gruyter, 1989.
18. Eisenberg, L. *Development as a unifying concept in psychiatry* / L. Eisenberg // Br. J. Psychiatry. – 1977. – V. 131. – P. 225–237.
19. Engel, G. *A need for a new medicine model* / G. Engel // Science. – 1977. – V. 196. – P. 129–136.
20. Kelleher, I. *Psychotic symptoms in the general population – an evolutionary perspective* / I. Kelleher, J.A. Jenner, M. Cannon // Br. J. Psychiatry. – 2010. – V. 197. – P. 167–169.
21. McGuire, M. *Darwinian Psychiatry* / M. McGuire, A. Troisi. – New York: Oxford University Press, 1998.
22. Nesse, R.M. *Evolution at 150: time for truly biological psychiatry* / R.M. Nesse // Br. J. Psychiatry. – 2009. – V. 195. – P. 171–172.
23. Nesse, R.M. *Explaining depression: neuroscience is not enough, evolution is essential* / R.M. Nesse // *Understanding Depression. A Translational Approach* / eds. C.M. Pariante, R.M. Nesse, D.J. Nutt et al. – Oxford University Press. – 2009. – P. 17–36.
24. Plotkin, H. *Evolution in Mind: An Introduction to Evolutionary Psychology* / H. Plotkin. – Harmondsworth: Allen Lane, 1997.
25. Wilson, E.O. *On human nature* / E.O. Wilson. – Cambridge Ma: Harvard University Press, 1978.

Поступила в редакцию 03.05.2012 г.

Овчинников Борис Владимирович. Доктор медицинских наук, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: bobon47@yandex.ru

Boris V. Ovchinnikov. Doctor of medical sciences, professor of the department of medical psychology and psychophysiology. St. Petersburg State University. E-mail: bobon47@yandex.ru